

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Антикварная книга	12
Аукцион	15
Библиографическое описание	33
Библиографические пособия	36
Библиотека личная	39
Библиотека государственная	42
Библиотечные печати	47
Библиофилы	62
Библиофильские издания	64
Букинистический магазин	69
Бумага	76
Византийские эмали	88
Владельческие знаки	99
Главная ценность антиквара	105
Дезидерата	109
Детские книжки	120
Дефекты и изъяны	132
Дилеры книжные	145
Диссертации	148
Дом книги	152
«Еврейский сторож»	156
Единственный шанс	158
Жена коллекционера	161
Иллюстрация в книге	163
Императорские библиотеки	195
Инкунабулы и палеотипы	200
Иностранщина	203
Интернет	217
Иудаика	223
Каталог коллекции	230
Клички	237
Книжники и их виды	247
Коллекция	250
Контрабанда	257

Корректурные экземпляры и издания	261
Кражи	269
Летучие издания	283
Научная книга	289
Нехарактерные автографы	293
Опасности	296
Отдельные оттиски	308
Оценка антикварной книги	317
Пагинация, фолиация, нумерация	325
Парадные издания	328
Патенты	331
Первые издания	335
Пергамен	337
Перекидка и перехват	339
Переплет	343
Переплетные материалы	354
Переплетчики	357
Подарки и подарошники	384
Подносные экземпляры	387
Приметы	390
Провенанс	394
Редкие книги	397
Репринтные и факсимильные издания	400
Реставрация	408
Рукописи и автографы	412
Русская книга XVIII века и сводные каталоги	418
«Слепая старушка»	424
Сообщество	428
Струйский	433
Терминологические дебри	439
Токсичные книги и рукописи	453
Толстые обои	460
Фальсификаторы и фальсификаты	464
Фотография	516
Футуристические издания	519
Цензура	524
«Что есть табак»	534
Экслибрисы	544
Экспертиза и эксперты	548
Ярмарки и рынки	552
Я	555

Посвящается
моим учителям и наставникам
в книжном деле

Геorgию Александровичу Абакумову
(9 сентября 1933 — 11 июня 2011)

Александре Алексеевне Гусевой
(24 ноября 1945 — 18 декабря 2019)

Карлу Карловичу Драффену
(7 июня 1936 — 24 сентября 1999)

Михаилу Елиазаровичу Кудрявцеву
(23 августа 1940 — 15 октября 2004)

Артуру Павловичу Толстякову
(31 марта 1938 — 28 марта 2014)

Предисловие

Что знает обычный человек о мире антикварной книги? Самая нейтральная информация, которая долетает до его ушей, сообщает ему, что опять за сумасшедшие миллионы в Лондоне или Нью-Йорке продана древняя книга или старинная рукопись. Новости о безумных приобретениях бледнеют на фоне более тревожных известий: похищен драгоценный кодекс, где-то задержаны таможенной контрабандисты с фолиантами в золоченых переплетах, и вот до блестящих органов добра и правды обезвредили банду библиотечных воров, направляемых известным коллекционером.

То лишь буффонада, которая разыгрывается на авансцене огромного старинного театра, и суровый суфлер строго следит за тем, чтобы актеры не сказали ничего лишнего. Поэтому мало кто догадывается, что расшитый золотом занавес, который отделяет основную сцену антикварного мира от авансцены и ярусов зрительного зала, скрывает много больше, чем даже можно себе представить.

За ним — именно что целый мир. И этот занавешенный мир никогда не будет показан обычным людям. Никогда зритель не узнает его тайного устройства, никогда не сможет, затаив дыхание, наблюдать за идущими там кровопролитными поединками между Монтекки (антикварами) и Капулетти (коллекционерами). Только время от времени, когда злые и безжалостные молоточки (следопыты органов правопорядка) начинают яростно колотить по всем колокольчикам этого городка в табакерке, доносятся из-за занавеса мелодичные отзвуки неожиданного переполоха.

Как же заглянуть внутрь этого мира? Как узнать, что скрывается за занавесом? Как заполучить то заветное конопляное зернышко, которое позволит его обладателю ответить на любой вопрос? Ответ: никак, никогда и ни при каких обстоятельствах. Ведь стяжательство и скрытность есть главные черты жителей городка в табакерке, и потому они крепко хранят свои секреты, унося их в могилу и передавая лишь самым доверенным лицам. На праздные вопросы

любопытных они обычно отшучиваются: «Вы что, нет никакого тайного мира, нет секретов — глупости это! Просто занавес не работает...»

Но порой случается, что кто-то из подземных жителей, проведя там десятилетия, нет-нет да и устанет от оков секретности и, немного не дотянув до той минуты, когда должен унести все свои тайны в могилу, заговорит. Таков и автор этих строк, который решился на coming out (в архаичном понимании этого выражения), чтобы приоткрыть хотя бы немного тот тяжелый завес и дать читателю подсмотреть одним глазком в щелку. Вероятно, многое будет для читательского глаза и ново, и небезынтересно.

Не хочется думать, что наш поступок есть предательство профессии, хотя бы и добровольно нами оставленной. Мир вокруг нас меняется, меняемся и мы сами, как бы этому ни противились. Минули те времена, когда мастерство антиквара, как любое тайное знание, передавалось из поколения в поколение вместе со всем семейным делом: скопленным за жизнь запасом книг и прочих сокровищ профессионального торговца древностями. Коллекционеры, которые, в сущности, занимаются той же торговлей, просто покупают больше, нежели продают, заботились о наследниках сильно меньше: они старались еще при жизни устроить свое детище, чтобы после смерти не было мгновенно пущено по ветру все то, что доставляло им столько наслаждения.

Сегодня почти нет наследственных профессий, кроме разве что совсем далеких от нашей области, потому и тайны нашего мастерства уже никому не передаются — детям они не нужны, потому что ремесло антиквара лишилось былой привлекательности. Слишком долгого обучения требует эта романтическая профессия, которая к тому же становится все опасней и опасней. Поэтому каждый вступающий по собственному призванию в мир антикварной книги не только обрекает себя на тернистый путь, но и проходит свое обучение с нуля, обычно самостоятельно, методом многих проб и еще большего числа ошибок. Опыт, нажитый десятилетиями, никуда и ни в кого не будет вложен — он умрет вместе с человеком и вылетит дымом в трубу крематория.

Но и это не самое печальное — сегодня мир антикварной книги заполонили те, кто безоглядно ищет быстрого, а желательно и мгновенного обогащения — *get rich or die trying*. Это биороботы, которые не только не читают книг, но даже пишут с ошибками, а главное их призвание — фальсификаты и жульничество. Они формируют новую реальность антикварного рынка, превращая его в место встречи тщеславия с жадностью, спеси со скопидомством, героев Гоголя с героями Достоевского. Если вы все-таки не утерпите и рискнете войти в этот мир, то довольно быстро увидите, как эти люди действуют и насколько успешно достигается ими цель надуть всякого туда входящего.

Можно быть уверенным, что после этих строк кто-то спросит: а что же собственно такого таинственного в профессии антиквара или в призвании

коллекционера? Ведь есть учебники и пособия; в конце концов, его величество Интернет, разве он не сможет научить всех всему и сразу? Неужели нельзя точно обучать антикваров, как бухгалтеров или юристов?

Но трудно научиться по учебникам, написанным людьми, ничего не смыслящими в предмете, которому они пытаются научить других. Однако причина не только в том, что авторы этих учебников — «великие пустомели, которые говорят много времени, а не сообщают ничего кроме безделиц». Важнее то, что сама идея учебника для антикваров и коллекционеров вряд ли осуществима: можно составить пособие для начинающих книговедов, для историков, но все-таки антикварная торговля — не научная дисциплина, а скорее ремесло. Вся она покоится на многочисленных неизреченных правилах и секретах, которые невозможно превратить в учебник.

Это ничуть не удивительно и даже естественно для творческих профессий. Вряд ли можно ожидать, что литературные курсы превратят господина N в большого писателя, а освоение самоучителя игры на фортепиано сделает госпожу NN незаурядной пианисткой. Для успешной карьеры потребуется некоторый набор исходных качеств, и желание — важная, но отнюдь не единственная составляющая. Тут необходимы и природное дарование, и раннее обращение к избранной области, и многолетний упорный труд, и, безусловно, тот человек, который не только захочет вас учить, но и сумеет это сделать.

В нашем случае возникает еще одна трудность: мир антикварной торговли и коллекционирования не слишком склонен к идеям благого просвещения. Сложно представить, как некий счастливый мэтр похлопывает восторженно юношу по плечу и восклицает: «Вот каков мой ученик!» На деле антиквары по собственной воле не станут никому открывать секретов своего мастерства. Причина очевидна: любой ученик вскоре станет вашим же конкурентом. Если же он талантлив, то будет еще горше: не исключено, что вас посадят в лужу на глазах у всех. Таков многовековой закон антикварного мира.

Так что перед вами, конечно же, не учебник. Это лишь начальная грамота, которая, смеем надеяться, окажется весьма полезной не только уже вошедшим в этот закрытый мир, но и будущим антикварам и коллекционерам. Равно же и тем ценителям антикварной книги, для кого она всегда обладала таинственной и притягательной силой.

Оговорим, что большая часть жизни автора в мире антикварной книги прошла в компании с А. Л. Соболевым, так что местоимение «мы», которое в традиции русской научной литературы обычно относится к первому лицу единственного числа, то есть к самому автору, в этой книге в значительной мере может относиться и к первому лицу множественного числа, то есть подразумевать Петра Дружинина и Александра Соболева вместе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

От себя лично добавим, что мы благодарны А. Л. С. за те замечания, которые были высказаны им по прочтении рукописи настоящей книги, что помогло нам избежать нескольких небольших, но от того не менее досадных ошибок. Иллюстрации для настоящего издания предоставлены «Музеем книги Петра Дружинина и Александра Соболева», а также фотоархивом автора.

Москва, 9 февраля 2022 года

Антикварная книга

Подступаясь к нашему рассказу, для начала следует растолковать, что же собой представляет тот самый предмет, название которого красуется на обложке этой книги. Однако мы сразу столкнемся с туманностью и непредсказуемостью трактовки этого словосочетания, что отражается и на всех сферах, которые занимает антикварная книга: истории, культуре, торговле etc.

Что же такое «антикварная книга»? Понятие «антиквариат», ранее также довольно размытое, в недавнем прошлом обрело в России четкие временные границы. Это случилось 30 мая 1994 года: именно в этот день весь антиквариат, наперекор толковым словарям, получил, говоря процессуальным новоязом, свою квалификацию: *«Под предметами антиквариата понимаются культурные ценности, созданные более 50 лет назад»*. Этим откровением, с одной стороны, первый президент России, подписавший указ, переводил как себя самого, так и значительную часть населения новой России в категорию «антиквариата», с другой стороны, введением категории «культурных ценностей» отнюдь не помогал в конкретизации понятия «антиквариат».

То есть, согласно закону, любому массовому изданию для получения звания «антикварной книги» должно исполниться всего лишь 50 лет (даже автор, приближаясь к этому порогу, ощущает, что маловато, — увеличили бы «возраст» хотя бы до 100 лет). Но, повторимся, чтобы стать антиквариатом, любая печатная продукция должна обладать еще и «культурной ценностью». Вот где открывается еще более широкое поле для спекуляций — в определении понятия «культурная ценность» и присвоении данной категории предметам, перешагнувшим полувековой рубеж.

Здесь, по отечественной пословице, «куда повернешь — туда и вышло». С одной стороны, вольная трактовка сама напрашивается: задумаешься ли об «Апостоле» Ивана Федорова, который сохранился в немногих десятках экземпляров, или же вспомнишь речь Жданова об Ахматовой и Зощенко 1946 года, напечатанную тиражом в два миллиона экземпляров, которая прошла смерчем по отечественной культуре. Но поскольку речь в законе не о тираже, а о культурной

ценности, то уж проще всё считать таковой, чем рискнуть своей биографией и опрометчиво подумать нечто вроде: «Ну какая это к черту культурная ценность? Макулатура!»

Таким образом, с формальной стороны антикварной может быть абсолютно любая книга, перешагнувшая пятидесятилетний рубеж. А если кто-то скажет, что это не так, и заметит мудро, что книга должна представлять собой культурную ценность, рассмейтесь ему в лицо. Для опровержения этой самоуверенной мысли достаточно взглянуть, какую труху таможенные службы именуют «ценными антикварными изданиями» и с завидным постоянством реквизируют у граждан, почему-то решивших пересечь границу с книгой, «которая была у бабушки». Становится горько, когда думаешь, что теперь эту весть, изъятую в пользу государства, передадут в музей (обычно при огне софитов и вспышках фотокамер), а несчастный музей должен будет потратить на реставрацию такой «культурной ценности» гору средств. А ведь их можно было бы употребить на реставрацию истинных культурных ценностей, которые имеются в фондах этого же музея в изобилии. О том, что ждет перевозивших бабушкино наследство граждан в соответствии с действующим Уголовным кодексом, мы и вовсе умолчим.

Если же мы оставим формальную и процессуальную стороны вне рамок нашего рассказа, то и понятия «антиквариат» и «антикварная книга» обретут для нас иной смысл, как для посвященных в предмет обретают смысл слова, вызывающие у непосвященных лишь недоумение. Нет, не противоположный смысл, ведь мы пишем эту книгу не ради ниспровержения устоев, но уж точно не такой, каким наделили эти понятия не слишком искушенные российские цивилисты.

Итак, само понятие «антиквариат», что нам довольно приятно здесь написать, происходит совсем не от «antique» — древность, а от «antiquaire» — торговец древностями, то есть антиквар. И в этом этимологическом наблюдении кроется колоссальный внутренний смысл самой природы явления под именем «антиквариат», а для нас — и замечательная характеристика той области, которую мы знаем и любим. То есть антиквариат — это не просто некая древность (от шедевров античности и возрождения до хлама и старья с антресолей), а лишь то, чем не погнушались торговать специальные люди — антиквары. И согласно с этимологией именно эти люди, а не «эксперты по КаЦэ» (культурным ценностям) и прочие специалисты с дипломами и допусками или без оных в конце концов и определяют само понятие «антиквариат» и наполнение его конкретными предметами.

Сразу скажем, что в пору формирования понятия «антиквар» старыми вещами занимались не одни только антиквары, поскольку их всегда было не слишком много. Наиболее распространены были брокантёры разного уровня и профиля, а уже за ними — целая вселенная старьевщиков разного извода. Эти профессиональные разновидности также занимались торговлей старыми

вещами, содержали лавки, были завсегдатаями толкучих и прочих рынков. Но вернемся опять к этимологии: торговали они отнюдь не антиквариатом, а более посредственными предметами. Книгами в данном социуме ведали букинисты — они были сродни брокантёрам, но имели свою специализацию — подержанные и старые книги, рукописи, реже эстампы.

Букинисты могли иметь свою лавку, но чаще были «холодными»: на лавку накоплений доставало и свой товар они хранили дома и работали по принципу «волка ноги кормят». Страта старьевщиков также включала книжников, но еще менее рафинированных, нижнюю ступень этой профессии занимали помоечники. Последние, порой не беспричинно, ищут в мусорных баках жемчужину, которую кто-то счел хламом и вынес на улицу. Некоторым из них, наверное, везет. Автор, идя порой по улицам старушки Европы, нередко задает себе один и тот же вопрос: если сейчас по пути встретится контейнер для отходов с виднеющимися там старинными бумагами или книгами, то нырнет ли он в этот контейнер? И сам себе отвечает: да, безусловно. А если он будет с дамой или коллегой из местного университета? Увы, тоже, хотя и после недолгих колебаний. Природа любителя древностей как охотничий инстинкт у собаки — контролю почти не поддается.

Вторая половина XX века сильно отразилась на ремесле торговца старыми книгами — старьевщики почти повывелись (хотя помоечники остаются до сего дня), букинисты же выдают себя за антикваров, но не слишком изысканное наполнение их лавок порой заставляет подумать о том, что такого «антиквара» стоило бы назвать скорее старьевщиком.

Новые технологии за последние пару десятилетий сильно изменили пейзаж интересующей нас области, и обычная букинистическая торговля в основном находится в стадии агонии, напоминая нам магазин пишущих машинок в компьютерную эру. Антикварная же торговля требует и знаний, и кругозора, и понимания предмета. Хотя, скажем честно, на нашей памяти и совершенно безмозглые индивидуумы осваивали эту профессию: наглость вполне заменяла им знания, а владение лезвием приносило знакомства и, следовательно, спрос. Покупатели, впрочем, у них были столь же недалекими, поскольку природа требует гармонии даже в таком деле, как антикварная торговля.

Таким образом, употребляя словосочетание «антикварная книга», мы подразумеваем под этим понятием объект интереса именно *антикваров*, который, соответственно, является и предметом страсти *коллекционеров* (не путать с книголюбями). Эти две популяции и формируют интересующий нас микромир, который именуется «антикварным рынком» в широком смысле этого слова, а в нашем случае — зовется антикварной книжной торговлей. К этой же области традиционно относятся рукописные книги, а также и автографы, которые могут быть как на книгах, так и в виде отдельных предметов — писем, рукописей, официальных документов и так далее.